

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

УДК 342.2; 316.012; 316.422; 94
DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-4-69-80

Н. С. Розов

*Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия*

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

*Новосибирский государственный технический университет
пр. К. Маркса, 20, Новосибирск, 630073, Россия*

nrozov@nsu.ru

РОЛЬ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ВОЛН В ПРОЦЕССАХ МОДЕРНИЗАЦИИ

Разные революции и их цепочки (революционные волны), как правило, являются прямыми или опосредованными следствиями региональных и глобальных процессов модернизации. Иногда они усиливают, ускоряют тренды модернизации, но также могут их блокировать, усиливать или даже запускать противоположные тренды контрмодернизации (противотренды). Рассматриваются пять трендов модернизации и соответствующие пять противотрендов: 1) бюрократизация и дебюрократизация (откат к патримониальным структурам и практикам); 2) секуляризация и десекуляризация (возвращение религии и церкви в центр социальной, политической и культурной жизни, подъем фундаментализма); 3) капиталистическая индустриализация и деиндустриализация (как вариант – подавление капиталистических, рыночных институтов и организаций); 4) демократизация и авторитарные откаты (роспуск или превращение в фикцию парламентских, независимых судебных институтов); 5) подъем творческого авангарда в культуре или консерватизм, реставрация старых стилей и форм). Сформулированы эвристические принципы для анализа причин включения разных революционных волн и революций в указанные тренды с векторами модернизации и контрмодернизации.

Ключевые слова: революционные волны, модернизация, тренды модернизации, контрмодернизация, бюрократизация, неопатримониализм, секуляризация, десекуляризация, индустриализация, деиндустриализация, капитализм, демократизация, авторитаризм.

Пять трендов и противотрендов модернизации

Модернизация здесь понимается как совокупность пяти относительно автономных трендов (линий, тенденций развития), четыре из которых выделены Р. Коллинзом [2015. С. 264–293]:

- *бюрократизация* как переход государственного управления к безличным организационным иерархиям от прежних, преимущественно патrimonиальных порядков; отделение личной и семейной идентичности, родовых, клановых ресурсов от организационной позиции и государственных ресурсов;
- *секуляризация* как вытеснение религии и церкви из центра внимания, из центра общественной, политической, культурной жизни, передача церковных функций по легитимации власти, контроля над образованием, семейной жизнью, нравами населения, культурным творчеством другим институтам;
- *капиталистическая индустриализация* как развитие промышленности на основе открывающихся рынков земли, труда и капитала, устранения сословных, цеховых, конфессиональных, этнических и прочих барьеров на пути накопления капитала и расширения товарного производства;
- *демократизация* как формирование политических институтов со сменяемой на основе выборов властью, разделением властей и коллегиальной разделенности власти, гражданским равенством, защитой прав и свобод граждан, расширением избирательного права, порядками открытого доступа, свободой создания организаций (см. также: [Коллинз, 2015. С. 201–206; Розов, 2011. С. 366–372; Норт и др. 2011]).

Дополним это комплекс еще одним трендом:

- *рост творческой свободы в культурном производстве*, ведущий к беспрестанному обновлению стилей и жанров (авангардизму в широком смысле), когда возможны частичные возвраты к прежним традициям, их синтез, рефлексия над ними, ирония, но не ригидное окостенение канонов.

В XVIII–XIX вв. «прогресс человеческого разума», «социальный прогресс», «моральный прогресс», «научно-технический прогресс» служили более или менее адекватными обозначениями указанных пяти трендов модернизации. Однако шок Первой мировой войны, связанные с ним шпенглерианские и geopolитические идеи, широкое разочарование в идеях прогресса и линейной эволюции, подъем антидемократических и даже тоталитарных режимов, реванш рели-

гиозного фундаментализма уже во второй половине XX в. привели к осознанию наличия контрмодернизационных процессов, которые обозначим здесь как пять симметричных противотрендов:

- *дебюрократизация* как разложение безличных организационных иерархий в государственном управлении с откатом к клановым структурам и практикам, личной зависимости, получившим название неопатримониализма [Фисун, 2010; Розов, 2016]; рост коррупции как объединение вплоть до слияния семейных, клановых ресурсов с государственными;
- *десекуляризация* как возвращение религии и церкви в центр внимания, в центр общественной, политической, культурной жизни, возврат религиозным структурам функций по легитимации власти, контроля над образованием, семейной жизнью, нравами населения, культурным творчеством;
- а) *деиндустриализация* как разрушение ранее построенной промышленной базы, примитивизация и архаизация производства, и б) *развитие промышленности на некапиталистической (даже антикапиталистической) основе* при отсутствии или подавлении рынков земли, труда и капитала, огосударствлении экономической деятельности, возрождении институтов и практик закрепощения, рабства, явных или негласных барьеров для экономической деятельности;
- *антидемократизация, или авторитарные откаты* как вытеснение или имитация политических институтов со сменяемой на основе выборов властью, установление авторитарного контроля над парламентом и судебной системой, устранение оппозиции, систематическое ущемление государством прав и свобод граждан, подавление или уничтожение неподконтрольных государству организаций;
- *рост внешнего контроля над культурным производством*, сужение или уничтожение его свободы; установление допустимых рамок и ригидных канонов для стилей и жанров, неприятие новшеств, рефлексии, иронии, прокламирование возврата к прежним священным образцам.

Типы революционных волн и векторы (контр)модернизионной направленности

Революционные волны – это серии близких во времени революционных событий, которые происходят в различных (нередко сосед-

них) обществах, служат причинами друг для друга или имеют общие причины. Далее, революционные события, понимаемые как массовые протестные выступления, сопряженные с политическим кризисом, будем для краткости называть революциями, причем вне зависимости от последствий: революция может победить (свержение власти или значимые уступки), быть усмирённой (нет свержения, нет уступок, но нет и репрессий) или быть подавленной (реакция, массовые аресты, казни).

Каждая революция приводит либо к смене режима либо к его существенной трансформации. Под *общим вектором* будем здесь понимать преимущественный сдвиг в сторону модернизации или контрмодернизации. *Трендовый вектор* – это направление сдвига между режимами до и после революции по одному из пяти условных континуумов, в сторону тренда модернизации или обратно – в сторону противотренда. Численная оценка векторов представляется исключительно затруднительной, если вообще возможной. Поэтому будем использовать качественные и логические критерии.

Общий вектор революции считается модернизационным, если таковыми являются три последних трендовых вектора, когда есть явственный сдвиг постреволюционного режима (который удерживается не менее 10 лет) в сторону капиталистической индустриализации, демократизации и творческой свободы. Наоборот, когда те же три трендовых вектора являются контрмодернизационными, т. е. постреволюционный режим характеризуется деиндустриализацией и / или закрытием рынков земли, труда, капитала, усилением авторитаризма и подавлением свободы культурного творчества, тогда общий вектор революции также считается контрмодернизационным.

Такая «дискrimинация» между аспектами (контр)модернизации обусловлена, следующими соображениями:

- важнейшей общей чертой трех «коренных» трендов является рост свободы, причем экономическая свобода капиталистической индустриализации, политическая свобода демократизации и творческая свобода культурного авангарда обычно тесно связаны, вдохновляют и поддерживают друг друга; случаи противонаправленных движений между ними редки и не долговременны;
- при этом тренды (де)бюрократизации и (де)секуляризации во многих отношениях нейтральны относительно свободы и «коренных» трендов, поскольку бюрократия и церковь могут служить разным целям и двигать общества в разных направлениях в сферах экономики, политики и культуры; привычное ассоциирование бюрократии с авторитаризмом, а церкви с консерватизмом и архаизацией

нередко оказывается ошибочным, поскольку только при развитой бюрократии могут формироваться в больших обществах избирательные системы, авторитетные независимые суды, устойчивые демократические институты, банковские, рыночные структуры и правила, необходимые для капиталистической индустриализации; революционные свободолюбивые и творческие движения не только раньше, но и в современную эпоху нередко обретают религиозные формы, особенно когда соответствующая конфессия подавляется авторитарным государством.

Не менее сложен вопрос о векторе каждой революционной волны, поскольку составляющие ее революции вполне могут иметь противоречивые векторы. Будем считать волну *преимущественно модернизационной*, если ведущими к большей свободе являются общие тренды революций в самых крупных и влиятельных обществах, события в которых получили наибольшее внимание в мировом дискурсе, в последующих исторических трудах.

Таким же образом, волна считается *преимущественно контмодернизационной*, если после революций в наиболее крупных и влиятельных обществах побеждают противотренды по трем «коренным» аспектам: буксует или оборачивается вспять капиталистическая индустриализация, постреволюционные режимы становятся еще более авторитарными и подавляющими свободу культурного творчества.

Операционализация критериев

При сравнении старых и постреволюционных режимов почти всегда возникают трудности с определением вектора изменений по каждой шкале. Изменения разнообразны и противоречивы, особенно когда дело касается центра и провинций, разных социальных слоев, разных сфер жизни, аспектов и пр. Поэтому с учетом неизбежного упрощения и погрешностей установим несколько базовых операциональных критериев (диагностических признаков). О тренде *бюрократизации* свидетельствуют следующие явления:

- рост числа официальных записей и документов, касающихся каждого индивида;
- рост числа министерств, комитетов, всевозможных государственных ведомств и их подразделений;
- разрастание номенклатуры государственных должностей;
- громкие скандалы, связанные с обвинениями в коррупции и непотизме, ведущие к реальным строгим наказаниям;

- в высших эшелонах власти все реже делаются назначения по родству из-за боязни таких скандалов;

• наложен и осуществляется контроль накоплений и расходов высших чиновников; поэтому большинство довольствуется официальными окладами, не имеет крупной недвижимости, особо дорогих предметов роскоши и т. п.

Тренд *секуляризации* проявляется в таких процессах:

- ритуалы религиозной легитимации власти либо сводятся к минимуму, либо вовсе отменяются;

• церковные власти и религиозные авторитеты отстраняются от контроля над системами начального, среднего и высшего образования, а в предельных случаях вовсе изгоняются из образовательных организаций;

- то же касается армии, полиции, больниц, приютов, волонтерства;

• свобода совести, свободомыслии, право верить или не верить фиксируются в основных законах (конституции), практики принуждения как к вере, так и к безверию, безбожию (атеизму) запрещены и преследуются;

• религиозная символика и дискурс устраниются из оформления государственных учреждений, из официальных речей политиков, из публичных государственных документов, из городской архитектуры; их последовательно замещают светские символы или, по крайней мере, их доля и внимание к ним растут;

• церковь отстраняется от контроля над книгоизданием, прессой, культурным творчеством (кинематограф, театр и др.); попытки такого контроля со стороны религиозных групп и авторитетов пресекаются как общественным ostrакизмом, так и государственными инстанциями.

Тренд *капиталистической индустриализации* распознается по следующим признакам:

- больше земли поступает на рынок, ее становится легче продать и купить;

• растет число банков, частных компаний, количество и объем кредитов;

• повышается социальная мобильность как пространстве, так и между профессиями;

• растет разнообразие товаров на рынке, произведенных частными компаниями.

Тренд *демократизации*, согласно концепции Р. Коллинза, включает одну базовую составляющую – коллегиальная разделенность власти (коалиция нескольких центров силы и влияния, играющих по пра-

вилам, исключающих узурпацию могущества) и две сопутствующие: расширение избирательного права и защита прав, свобод граждан. Сюда следует добавить сменяемость власти как реальную возможность победы оппозиции по результатам выборов (А. Пшеворски), свободу создания организаций (Д. Норт и др.) и распространенность независимых СМИ.

Значения всех компонентов, кроме первого, могут прямо определяться на основе изучения избирательных законов и практик, экспертных оценок (типа используемых такими организациями, как Freedom House), сведений о числе созданных гражданами организаций, об их судьбе и доле, закрытых властями.

Сложен для операционализации компонент «коллегиальная разделенность власти» (КРВ). Отчасти его уровень проявляется в остальных составляющих: насколько независим суд, насколько защищены права и свободы граждан, сменяется ли власть по результатам выборов. Показателем является также уровень территориальной децентрализации (в том числе, федерализации) власти, финансовых ресурсов, сил правопорядка, влиятельных СМИ и ведущих университетов. Концентрация всех этих факторов в столице свидетельствует о низкой КРВ, распределенность по провинциям – о высокой. Качественный анализ динамики отношений между группами политической, экономической, силовой, интеллектуальной элиты, меняющиеся порядки административных назначений, передачи, купли-продажи, слияния и поглощения крупных банков и компаний также показывает либо растущую концентрацию ресурсов в одном центре (низкая КРВ), либо сохранение распределенности, пусть и через сложные трансформации (высокая КРВ).

Наконец, *рост творческой свободы в культурном производстве* распознается посредством качественного и количественного анализа динамики и смены стилей, количества новых творческих групп, разнообразия и места продуктов творчества на культурных рынках, характера помощи со стороны государства и бизнеса (установление контроля или поддержка при сохранении свободы творчества) и т. д.

Согласно указанным критериям выделены следующие группы революционных волн с векторами модернизации и контрмодернизации.

Модерниzierующие волны революций

- 1566–1609 гг. – Первая Кальвинистская волна, или Вторая Реформация (Франция, Нидерланды);

- 1618–1630 гг. – Вторая Кальвинистская волна, пересекающаяся с Тридцатилетней войной (Франция, Швейцария);
 - 1776–1794 гг. – атлантические революции, движимые анти monархическими настроениями (США, Нидерланды, Франция);
 - 1810–1815 гг. – освободительная война в Латинской Америке;
 - 1821–1831 гг. – волна, запущенная Греческой войной за независимость (Греция, Молдавия, Крит);
 - 1848–1849 гг. – европейские революции с идеями республиканизма и конституционного ограничения монархий («Весна народов»);
 - 1861–1878 гг. – американские освободительные восстания и войны (США, Доминикана, Куба);
 - 1905–1911 гг. – Первая красная волна, начавшаяся с русской революции 1905 г. (Россия, Иран, Турция, Китай, Бразилия, Мексика, Португалия);
 - 1950–1970 гг. – антиколониальные революции, движимые национализмом (страны Аравийского полуострова, Бруней, Сингапур, Малайзия, Камбоджа, Лаос, Кипр, Ливия, Египет, Тунис, Марокко, Судан, Гана, Гвинея, 1960-й – «год Африки»);
 - 1968 г. – волна молодежных протестов (США, Франция, Япония, ФРГ) и «Пражская весна»;
 - 1989–1991 гг. – антикоммунистические революции (страны Восточной Европы и СССР).

Революционные волны с вектором контрмодернизации

- 1917–1920 гг. – Вторая красная волна (Россия, Ирландия, Германия, Австрия, Венгрия);
 - 1926–1945 гг. – авторитарные и фашистские перевороты (Италия, Германия, Португалия, Испания, Югославия, Франция);
 - 1930–1940 гг. – латиноамериканские восстания и путчи (Бразилия, Перу, Куба);
 - 1945–1979 гг. – коммунистические революции (страны Восточной Европы, Китай, Куба, Корея, Вьетнам);
 - 1979–1989 гг. – исламские революции (Иран, Судан, Афганистан).

Общие принципы выбора направлений социальной динамики

Сформулируем самые общие принципы, связывающие объективные, субъективные условия с выбором направлений социальной

динамики, точнее, с тем, какого типа складываются новые предметы заботы (ценностные и целевые установки групп, организаций, государств), обеспечивающие структуры (сами эти организации, институты и соответствующие практики), что и составляет основу социальных порядков.

1. Способ (средство, подход, идея и пр.), приводивший в прежних опытах к успеху, закрепляется и распространяется на новые сферы, служит основой ответных стратегий и обеспечивающих структур (*принцип расширения факторов успеха*).

2. Правящие группы склонны также заимствовать способы, стратегии, структуры у влиятельных, успешных, могущественных высокореферентных союзников, патронов (*принцип подражания сильным и славным*).

3. Когда интересы членов коалиции расходятся, многое зависит от соотношения сил, прошлого опыта и характера угроз: при патовой ситуации, прошлом опыте солидарности, совместной борьбы и при общей внешней угрозе стороны склонны к компромиссам и установлению паритетных, партнерских порядков; при явном преимуществе одной стороны или опыте конфронтации, когда основную угрозу стороны видят друг в друге, они склонны к попыткам силового давления конкурентов, а победитель обычно устанавливает порядок вертикального подчинения (*принцип зависимости от расклада сил*).

4. Когда некий порядок дискредитирован как порочный, враждебный, устаревший, учредители нового порядка выбирают его черты по принципу инверсии, т. е. противоположные чертам старого порядка, причем в рамках используемых категорий (*принцип инверсии*).

5. Получившие власть обычно отдают предпочтение тем структурам, которые укрепляют их позиции, т. е. обеспечивают такие уровни благосостояния, силовой мощи и демонстрации статуса для себя и своего окружения, которые считаются достаточными и достойными (*марксистский принцип прямого классового интереса*).

6. Каждая социальная сила (класс, сословие) в разных структурных условиях склонна поддерживать как модернизационный, так и контрмодернизационный вектор. Здесь возьмем за основу логику и результаты исследования Баррингтона Мура: политические решения этих сил зависят от базовых экономических интересов и от того, кто является их главными противниками, а кто – естественными союзниками [Moore, 1966]. Будем учитывать следующие группы: аристократия, буржуазия, низший городской класс (пролетариат и т. п.),

высшая и низшая бюрократия, военные из высших и низших слоев (*структурный принцип Б. Мура*).

Следующий этап исследования состоит в объяснении складывания того или иного вектора в каждой революционной волне через формулирование на основе приведенных выше принципов теоретических и эмпирических гипотез и их проверку [Гемпель, 1998].

Список литературы

Гемпель К. Функция общих законов в истории (Первоначально опубликовано в 1942 г.) // Время мира. Новосибирск, 1998, вып. 1: Историческая макросоциология в XX веке. С. 16–31.

Коллинз Р. Макроистория: очерки социологии большой длительности. М.: УРСС, 2015.

Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2011.

Розов Н. С. Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. М.: РОССПЭН, 2011.

Розов Н. С. Неопатrimonиальные режимы: разнообразие, динамика и перспективы демократизации // Полис. Политические исследования. 2016. № 1. С. 139–156.

Фисун А. А. К переосмыслению постсоветской политики: неопатrimonиальная интерпретация // Политическая концептология, 2010. № 4. С. 158–187.

Moore B. Social Origins of Dictatorship and Democracy. Boston: Beacon Press, 1966.

Материал поступил в редакцию 04.09.2018

N. S. Rozov

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

*Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

*Novosibirsk State Technical University
20 K. Marks Ave., Novosibirsk, 630073, Russian Federation*

nrozov@nsu.ru

THE ROLE OF REVOLUTIONARY WAVES IN MODERNIZATION PROCESSES

Different revolutions and their chains (revolutionary waves), as a rule, are direct or indirect consequences of regional and global modernization processes. Sometimes they strengthen, speed up the modernization trends, but they can also block, strengthen or even launch the opposite trends of counter-modernization (countertrends). Five trends of modernization and the corresponding five counter-trends are considered: 1) bureaucratization and de-bureaucratization (rollback to patrimonial structures and practices); 2) secularization and desecularization (return of religion and church to the center of social, political and cultural life, rise of fundamentalism); 3) capitalist industrialization and de-industrialization (alternatively, suppression of capitalist and market institutions); 4) democratization and authoritarian rollbacks (dissolution or becoming a fiction of parliamentary, independent judicial institutions); 5) the rise of the creative avant-garde in culture or conservatism, the restoration of old styles and forms). Heuristic principles are formulated to analyze the reasons for including different revolutionary waves and revolutions in these trends with the vectors of modernization and counter-modernization.

Keywords: revolutionary waves, modernization, modernization trends, counter-modernization, bureaucratization, neo-patrimonialism, secularization, desecularization, industrialization, de-industrialization, capitalism, democratization, authoritarianism.

References

Collins R. *Makroistoriya: Ocherki sociologii bol'shoi dлит'nosti* [Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run]. Moscow, URSS, 2015. (In Russ.)

Fisun A. A. K pereosmisleniyu postsovetskoi politiki: neopatrimonialnaya interpretatsiya [To Rethinking Post-Soviet Politics: a Neopatrimonial Interpretation]. *Politicheskaya konceptologiya [Political conceptology]*, 2010. no. 4, p. 158–187. (In Russ.)

Hempel K. Funktsiya obschih zakonov v istorii [Function of General Laws in History]. *Vremya mira [Time of peace]*. Novosibirsk, 1998, vol. 1: [Historical macro-sociology in the XX century], p. 16–31. (In Russ.)

Moore B. *Social Origins of Dictatorship and Democracy*. Boston, Beacon Press, 1966.

North D. C., Wallis J. J., Weingast B. R. *Nasilie i socialnye poryadki. Kontseptualnye ramki dlya interpretatsii pismennoi istorii chelovechestva [Violence and Social Orders. A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History]*. Moscow, Izd. Instituta Gaidara, 2011. (In Russ.)

Rozov N. S. *Koleya i pereval: makrootsiologicheskie osnovaniya strategii Rossii v XXI veke [Track and Pass: Macrosociological Foundations of Russia's Strategies in the 21st Century]*. Moscow, ROSSPEN, 2011. (In Russ.)

Rozov N. S. Neopatrimonialnye rezhimy: raznoobrazie, dinamika i perspektivy demokratizatsii [Neopatrimonial Regimes: Diversity, Dynamics, and Prospects for Democratization]. *Polis. Political Studies*, 2016, no. 1, p. 139–156. (In Russ.)